

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой

Помощь населению, пострадавшему от неурожая, может иметь две цели: поддержания крестьянского хозяйства и избавления людей от опасности заболевания и даже смерти от недостатка и недоброкачества пищи.

Достигает ли этих целей помощь, оказываемая теперь в виде выдачи муки от 20 до 30 ф. в месяц на едока, считая или не считая работников? Я думаю, что нет. И думаю я так по следующим соображениям. Все крестьянские семьи всей земледельческой России можно подвести под три типа: 1) богатый двор – от 8 до 16 душ, в среднем 12 душ семьи, от 3 до 5 работников, в среднем 4. От 3–5 лошадей, в среднем 4. От 3 до 5 наделов, в среднем 4. И от 3 до 9 десятин наемной земли, в среднем 6. Это богач. Такой мужик не только кормит свою семью своим хлебом, но часто нанимает одного, двух работников, скупает земли у бедняков, ссужает их хлебом, семенами. Всё это делается, может быть, и на невыгодных для бедняков условиях, но результат тот, что там, где в деревне десять процентов таких богачей, – земля не гуляет, и в нужде все-таки бедняку есть средство добыть хлеба, семян, даже денег.

Второй тип – это средний мужик, с большим напряжением сводящий концы с концами на своих двух наделах при семье от 3 до 5 душ и при одном или двух работниках и одной или двух лошадях. Этот двор кормится почти своим хлебом. Чего не достает – добывает член семьи, живущий на стороне.

И третий тип – бедняк с семьей в 3–5 душ с одним работником, часто без лошади. У этого никогда не хватает своего хлеба, он всякий год должен придумывать средства извернуться и всегда находится на волоске от нищенства, и при малейшей невзгоде побирается.

Помощь, выдаваемая в виде муки населению неурожайных мест, распределяется по составленным имущественным спискам крестьянских семей. По этим спискам делаются соображения о том, сколько кому следует выдавать пособия; и пособие это выдается только самым бедным, т. е. семьям 3-го типа.

Двору первого типа – богачу и среднему крестьянину, у которого есть еще несколько четвертей овса, есть 2 лошади, корова, овцы, – не полагается никакой помощи. Но если вникнуть в положение не только среднего, но и богатого мужика, то нельзя не видеть, что для поддержания крестьянского хозяйства этим-то хозяевам более всего нужна помощь.

У богатого крестьянина, положим, остается еще немного ржи, есть 20 или более четвертей овса, есть и 5 лошадей, и две коровы, и 18 овец и, потому что всё это еще есть у него, ему не полагается пособия. Но сочтите его приход и расход и вы увидите, что он в такой же нужде, как и бедняк. Чтобы поддержать свой заведенный круг с наемной землей, ему нужно посеять около 10 четвертей. То, что у него останется на 40, 50, даже 60 руб. хлеба, – ничто в сравнении с тем, что ему нужно на семью в 12 душ. На 12 душ ему нужно 15 пудов по 1 р. 50 к. – 22 р. 50 к. на месяц, 225 рублей на 10 месяцев. Ему нужно кроме того 40, 50, 70 рублей на уплату аренды за наемную землю, ему нужны подати, которые с него требуют, как с богача. Члены его семьи, живущие в людях, в нынешнем году или меньше получают, чем прежде, по дорогому хлебу, или вовсе рассчитываются. Ему нужно рублей 350, а он не соберет и 200, а потому ему остается одно – не нанимать земли, продать семенной овес, продать часть лошадей, на которых нет цен, т. е. спуститься на степень среднего мужика и даже ниже, потому что у среднего семья меньше.

Но и среднему, если у него есть еще овес и лошадь или две, – не дают помощи, или дают так мало, что он должен продать свою землю исключительным богачам, проесть овес семенной, а потом и лошадь. Так что, при том распределении помощи, которая существует теперь, – богатый должен неизбежно спуститься на состояние среднего, а средний на состояние бедного. А по условиям нынешнего года, за исключением особенных богачей, почти все должны спуститься на эту степень. Для подания помощи как будто бы ожидают того, чтобы крестьянин разорился. Вроде того, как бы вытаскивающий утопающего дожидался для подания помощи того, чтобы утопающий перестал пускать пузыри. Выдача, как она производится теперь, не достигает цели поддержания крестьянского хозяйства, во-первых, потому, что она попадает

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru преимущественно только тем людям, – которые уже разорены, во-вторых, потому, что помощь эта, если и попадает в не вполне разоренные дворы, то она слишком незначительна, – в-третьих, потому, что эта помощь даровая, не органически происходящая от труда, которую поэтому не ценят и редко употребляют бережно и осмотрительно. Но мало того, что помощь эта не достигает своей цели, она, кроме того, как всякая даровая помощь, неравномерно распределяемая, производит в народе ничем не утоляемое неудовольствие и даже опасное раздражение, сначала из зависти друг против друга, а потом и против тех, которые раздадут ее.

Выдача, производимая мукою, не достигая цели поддержания крестьянского хозяйства, не достигает и второй цели – обеспечения людей от голодных болезней и смертей. Выдача мукою на душу не достигает этого по следующим причинам.

Во-первых, потому, что при такой выдаче мукою всегда есть возможность для получившего ее поддаться соблазну и израсходовать, пропить полученное, чего и были, хотя и редкие, случаи; во-вторых, потому, что, попадая в руки бедных, помощь эта спасает их от голода только в том случае, если в семье есть еще какие-нибудь свои средства. Наибольшая выдача составляет 30 ф. на человека. И если 30 ф. муки при картофеле и какой-нибудь примеси к муке для печения хлеба может прокормить человека в продолжение месяца, то – при полной бедности, когда не на что купить даже лебеды, чтобы подмешать в хлеб, – 30 ф. муки съедаются в виде чистого хлеба в 15–20 дней, и люди, оставаясь на 10 дней совершенно голодными, могут заболеть и даже умирать от недостатка пищи. В-третьих, выдача муки в бедные семьи, даже и в такие, в которых еще есть свои средства, не достигает своей цели обеспечения людей от голодных болезней и смертей потому, что в семье, где сильные люди легко переносят дурную пищу, – слабые, старые и малые заболевают от недостатка и недоброкачества пищи.

Во всех местностях, пораженных неурожаем, все – и богатые и бедные семьи – едят хлеб дурной с лебедой. (Странно сказать: теперь, в большей части случаев, самые бедняки при получении хлеба от земства едят хлеб чистый, тогда как в богатых семьях едят почти все с лебедой, с отвратительной незрелой лебедой нынешнего года.)¹

И постоянно случается то, что сильные члены богатой семьи переносят лебедный хлеб, а слабые, старые, больные прямо чахнут и мрут от него.

Так, приходит больная женщина из богатого двора, принося в руке комок черной лебедной лепешки, составляющей ее главную пищу, и просясь в столовую только потому, что она больна, и то только на время своей болезни.

Другой пример: прихожу к мужику, который не получает пособия и считается богатым. Их двое с женой, без детей. Застаю их за обедом. Картофельная похлебка и хлеб с лебедой. В квашне новый хлеб; еще с большей примесью лебеды. Муж с женой веселы и бодры, но на печи старуха, которая больна от лебедного хлеба, и говорит, что лучше раз в день есть, только бы поесть хорошего хлебца, а то этот душа не принимает.

Или третий пример: приходит баба из богатого двора просить о том, чтобы допустить в столовую ее 13-тилетнюю дочь, потому что ее не кормят дома. Дочь эта прижита незаконно, и, вследствие этого, ее не любят и не дают ей есть вволю. Примеров таких очень много, и потому выдача пособия мукою на руки не обеспечивает старых, слабых и нелюбимых членов семьи от болезней и умирания, вследствие недоброкачества и недостатка пищи.

Как ни больно высказать это, несмотря на ту замечательную энергию и даже самоотвержение большинства земских деятелей, деятельность их, состоящая в раздаче пособий хлебом, не достигает – ни цели поддержания крестьянского хозяйства, ни предупреждения возможности голодных смертей и, кроме того, имеет вредное влияние на народ, раздражая его.

Но если то, что делается теперь, не хорошо, то что же хорошо? Что же нужно делать?

Нужны, по моему мнению, две вещи: для хоть не поддержания крестьянского хозяйства, а противодействия его окончательному разорению, – учреждение работ для всего могущего работать населения и – устройство во всех деревнях голодающих мест даровых столовых для малых, старых, слабых и больных.

Учреждение работ должно быть такое, чтобы работы эти были доступны, знакомы и привычны населению, а не такие, которыми никогда не занимался или даже не видывал народ, или такие, при которых тем членам семей, которые никогда не уходили, надо уходить из дома, что по семейным и еще другим условиям (как отсутствие одежды) часто невозможно сделать. Работы должны быть такие, чтобы кроме внедомашних работ, на которые пойдут все привыкшие и могущие ходить на заработки работники, домашними работами могло быть занято всё население голодающих местностей – мужчины, женщины, свежие старики, подростки – дети.

Бедствие нынешнего года заключается не только в недостатке хлеба, но и в неменьшем совершенном недостатке не только заработков, но прямо работы, – в принужденной праздности нескольких миллионов населения. Если хлеб, нужный для прокормления населения, есть под руками, т. е. может быть доставлен туда, где он нужен, за доступную цену, то голодающий народ мог бы сам выработать себе этот хлеб, будь только у него возможность работы, материал для работы и сбыт. Если же у него не будет этой возможности, сотни миллионов будут безвозвратно потрачены на раздачу даровых пособий, но бедствие все-таки не будет устранено. Но дело не в одной материальной трате: праздность целого населения, получающего извне даровую пищу, имеет страшное развращающее влияние.

Работы внедомашние могут быть учреждены самые разнообразные, и на зимнее и, тем более, на летнее время, и дай бог, чтобы как можно скорее и как можно в больших размерах были учреждены эти работы. Но, кроме этих больших отхожих работ, предоставление народу возможности, не выходя из дома и из своих привычных условий, работать свою привычную работу и сбывать ее, хотя бы по самой дешевой цене, – есть дело настоятельной необходимости и огромной важности.

В деревнях неурожайных мест не родились ни конопля, ни лен; овцы почти все проданы, и у баб нет пряжи, нет тканья. Бабы, девушки, старухи, обыкновенно занятые, сидят без дела. Мало того, мужики, оставаясь дома и не имея денег для покупки лык, тоже сидят без своей обычной зимней работы – плетения лаптей. Ребята тоже болтаются без дела, так как школы большей частью закрыты. Население, имея перед собою только самые мрачные представления о всё более и более увеличивающейся нужде, лишенное привычного и более чем когда-либо необходимого им средства рассеяния и забвения – работы, сидит целыми днями, сложа руки, перебирая разные слухи и предположения о выдаваемой и имеющей выдаваться помощи, о богачах, не желающих делиться с ними, а главное, о своей нужде. «Скучают, тоскуют, оттого больше и болеют», – сказал мне умный старик.

Не говоря уже об экономическом значении работы для нынешнего года, нравственное значение ее огромно. Работа, какая-нибудь работа, которая могла бы занять всех праздных нынешний год людей, составляет самую настоятельную необходимость.

Пока не будут еще устроены те большие работы, о каковых были разные, весьма разумные проекты, которые теперь, как слышно, учреждаются и которые принесут огромную пользу, если только при учреждении их примутся во внимание привычка и удобства населения, – если бы только во всех неурожайных деревнях дать возможность всем остающимся людям работать привычную работу, – мужчинам хоть только плести лапти, а женщинам прясть и ткать, и дать возможность продавать и то и другое, что приобреталось бы этим трудом, то и это было бы если и не поддержкой крестьянскому хозяйству, то по крайней мере большой задержкой в его упадке. Если допустить, что будет найдено помещение холсту хоть по 8 к. аршин (а помещение холста возможно в огромных количествах) и будут скупаться лапти, которые могут сохраняться, не портясь, годами, по 10 к. за пару, то заработок каждого человека будет, самое меньшее, около 5 к., т. е. 1 р. 50 к. в месяц. Если при этом допустить, что в каждой семье, в среднем, не более 1/4 членов, не могущих работать, то окажется, что на каждое лицо в семье будет заработано 450/1, т. е. 1 р. 12 к., т. е. значительно больше того, что теперь с таким напряжением, ссорами, спорами и вызывая такое всеобщее неудовольствие – выдается от земства.

Таков бы был расчет, если бы работалась самая дешевая и несомненно доступная и известная всем деревенским жителям работа.

Средства получились бы большие, чем те, которые теперь получают от даровой или заимообразной выдачи, не было бы той неразрешимой трудности распределения и, главное, того недовольства и раздражения, которые вызываются душевою выдачею.

Для достижения этого нужно бы было только затратить не очень большие суммы на покупки материала для работ – льна и лык – и обеспечить помещение этих произведений.

Устройством таких работ – доставлением бабам прядева и продажей вырабатываемого ими тканья, уже занимаются многие лица и отчасти ведомства, хотя еще и в очень малых размерах. Мы тоже начали это дело, но до сих пор не получили еще выписанного льна, шерсти и лык. Предложение наше крестьянам заняться работою – на продажу – лаптей и холста встречалось везде с восторгом. «Хоть три копейки в день выработать, всё лучше, чем без дела сидеть», – говорили нам.

Само собою разумеется, что всё это относится только до 5 зимних месяцев; в остальные 4 летние месяцы, до новины, работы могли бы быть гораздо более производительны.

Для достижения цели, если не поддержки крестьянского хозяйства, то хотя задержания его разорения есть, по моему мнению, только это средство – устройство работ.

Для достижения же второй цели – спасения людей от заболеваний и смерти вследствие дурной пищи и недостатка ее, по моему мнению, единственное несомненное и действительное средство есть устройство в каждой деревне даровой столовой, в которой каждый человек мог бы насытиться, если он голоден.

Устройство таких столовых начато нами уже более месяца тому назад и до сих пор ведется с успехом, превзошедшим наши ожидания. Столовые устроились следующим образом:

В поездке моей в Епифанский уезд в конце сентября я встретил моего старого друга, И. И. Раевского, которому я передал мое намерение устроить столовые в голодающих местностях. Он пригласил меня поселиться у него и, не отрицая всякой другой формы помощи, не только одобрил мой план устройства столовых, но взялся помогать мне в этом деле и, с свойственной ему любовью к народу, решительностью и простотою приемов, тотчас же, еще до нашего переезда к нему, начал это дело, открыв около себя шесть таких столовых. Прием, употребленный им, состоял в том, что он, по самым бедным деревням, предложил вдовам или самым бедным жителям кормить тех, которые будут ходить к ним, и выдал им от себя нужную для того провизию. Староста же с уполномоченными составил список детей и старых людей, подлежащих кормлению в столовых, и в 6 деревнях открылись столовые. Столовые эти, несмотря на то, что они открыты были одними старостами и прикащиком Раевского, без его личного наблюдения, шли очень хорошо и продержались около месяца. Ко времени же нашего переезда сюда, совпавшего с первой выдачей пособия от правительства, 5 столовых закрылись, так как лица, ходившие в них, стали получать месячину и потому как бы не нуждались в двойной помощи. Очень скоро, однако, несмотря на выдачу пособия, нужда так увеличилась, что почувствовалась необходимость возобновления закрывшихся столовых и открытия новых. В продолжение проведенных нами здесь 4 недель открыто нами 30 столовых. Сначала мы открывали их по собираемым сведениям о наиболее бедствующих деревнях, теперь же, уже более недели, с разных сторон нам заявляют просьбы об открытии новых столовых, которые мы уже не успеваем удовлетворять.

Дело открытия столовых состоит в следующем, – мы, по крайней мере, поступали так: узнав про более нуждающуюся деревню, мы приезжаем в нее, идем к старосте и, объявив о нашем намерении, приглашаем кого-нибудь из стариков и спрашиваем про имущественное состояние дворов с одного края деревни до другого. Староста, его жена, старики и еще кто-нибудь, из любопытства зашедший в избу, описывают нам состояние дворов. «Ну, с левого края: Максим Антохин. Как этот?» – «Этот плох. Ребята, сам семь. И хлеба давно нет. От этого стоит ходить старухе да мальчику». Записываем – от Максима Антохина двух. Дальше – Федор Абрамов: «Тоже плох. Ну всё может еще кормиться». Но вмешивается старостиха и говорит, что плох и этот и стоит взять мальчика. Дальше идет старик, николаевский солдат. «Вовсе с голода помирает». Демьян Сапронов. «Эти прокормятся»... И так обсуживается вся деревня. Доказательством того, с какою правдивостью и без сословного чувства крестьяне определяют нуждающихся, видно из того, что, несмотря на то, что многие крестьяне были не допущены в первой же деревне, в деревне Татищеве Рыхотской волости, в которой мы открывали столовую, в число несомненно бедных, которых нужно принять в столовую, были назначены крестьянами без малейшего колебания вдова попадьи с

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru детьми и дьячиха. Таким образом, все перечисляемые дворы разделяются обыкновенно по показаниям старосты и соседей на три сорта: на несомненно плохие, из которых некоторым лицам следует ходить в столовую, на несомненно хорошие – такие, которые сами прокормятся, и на такие, в которых есть сомнение. Сомнение это обыкновенно разрешается количеством людей, ходящих в столовую. Кормить более 40 людей становится уже тяжело хозяевам. И потому если число ходящих менее 40, то сомнительные принимаются, если же более, то приходится отказывать. Обыкновенно некоторые лица, несомненно подлежащие кормлению в столовых, оказываются пропущенными, и по мере заявления делаются изменения и прибавления. Если же набирается в одной деревне очень много несомненно нуждающихся, то открывается в той же деревне другая, а иногда и третья столовая.

В общем как в наших столовых, так и у соседки нашей, Н. Ф., ведущей дело независимо от нас, количество людей, кормящихся в столовой, всегда составляет 1/3 всех наличных душ. Охотников держать столовую, т. е. печь хлебы, готовить, варить, служить обедающим, за право тут же кормиться и топиться, очень много – почти все дворы. До такой степени все охотятся держать столовые, что в обеих первых деревнях, в которых мы открывали столовые, старосты, оба богатые крестьяне, предлагали сделать у себя столовые. Но так как держащий столовую совершенно обеспечен и топливом, и пищей, то мы обыкновенно выбираем самых бедных, только бы они были в середине деревни, так чтобы недалеко было ходить с обоих концов. На помещение мы не обращаем внимания, так как и в самой крошечной 6-аршинной избе свободно кормятся от 30 до 40 человек.

Следующее за тем дело в том, чтобы отпустить продовольствие на каждую столовую. Дело это делается так. В одном месте, находящемся в центре столовых, устраивается склад всех нужных припасов. Таким складом была для нас сначала экономия Раевского, но при расширении дела устроены, или скорее избраны теперь, три другие склада, в имениях зажиточных помещиков, там, где есть и амбары, и некоторые продажные предметы продовольствия.

Как скоро выбрано помещение столовой и переписаны лица, имеющие приходить в нее, – назначается день, в который хозяева столовых или очередная подвода приезжают за запасами. Так как теперь, при большом числе столовых, хлопотно выдавать каждый день, – определены два дня в неделю, вторник и пятница, в которые выдается провизия.

В складе выдается хозяину столовой книжка, т. е. тетрадка, следующей формы:

Заборная книжка по № столовой

Число и месяц. – 8 ноября

У кого открыта. – Лукерья Сомова.

Мука. – 4 п.

Отруб. – 2 п.

Карт. – 6 п.

Капуст. – 30 к.

Свекла. – 2 п.

Овсянк. – 1 п.

Торф или дрова. – 10 п.

Соль. – 10 ф.

Число едоков. – 5

По этой книге получается провизия и записывается.

Кроме провизии, в один определенный день из всех деревень, в которых есть столовые, ездят подводы за топливом: сначала это был торф, теперь, так как торфа больше нет, дрова. В тот же день, когда забрана провизия, ставятся хлебы, а на

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru третий открываются столовые. Вопрос о посуде для варки, о чашках, ложках, столах разрешается самими хозяевами столовых. Каждый хозяин употребляет свою посуду. А чего нет, он достает у тех, которые ходят к нему. Ложки носит каждый свои.

Первая столовая открылась у слепого старика с женой и сиротами внуками. Когда я, в первый день открытия этой столовой, в 11 часов, пришел в избу к слепому, у бабы уже было всё готово. Хлебы вышли из печи и лежали на столе и на лавках. В истопленной и закрытой заслонкой печи стояли щи, картошки и свекольник.

В избе, кроме хозяев, были две соседки и одна старуха бездомная, которая тут же попросилась перейти в эту избу с тем, чтобы здесь и кормиться и жить в тепле. Народа еще не было. Оказалось, что дожидались нас, не повешали. Мальчик и мужик вызвались повестить. Спрашиваю у хозяйки – как же все усядутся? «Да уж я устрою, как должно, будьте спокойны», – говорит хозяйка. Хозяйка эта – коренастая женщина лет 50, с робким и беспокойным, но умным взглядом. Она до открытия столовой побиралась и тем кормилась с семьей. Про нее ее враги говорят, что она пьяница. Но, несмотря на эти наговоры, она располагает к себе своим отношением к сиротам, внукам ее мужа, и к самому исчащему, чуть живому, слепому старику, лежащему на нарах. Мать этих сирот умерла год тому назад, отец бросил детей, ушел в Москву и там завихрился. Дети – мальчик и девочка – очень красивые, особенно мальчик лет 8, несмотря на бедность, хорошо одеты и обуты, и жмутся к бабушке и требовательны к ней, как бывают требовательны балованные дети.

«Всё будет, как надо, – говорит хозяйка, – и стол достану. А какие не усядутся – после поедят. Хлебов, – сообщает она мне, – вышло 9 из 4 пудов и кроме того затерла квас. Только с торфом измучилась, – говорит она. – Не горит. Уж я своей соломки понадергала с сарая. Раскрыла сарай, а то торф не горел».

Так как мне тут делать нечего, я иду за овраг, в столовую другой деревни, боясь, что и там меня дожидаются. И действительно, и здесь дожидали. И здесь то же самое, тот же запах горячего хлеба, те же ковриги по столам и лавкам, и те же чугуны и горшки в печи и любопытный народ в избе. Так же добровольцы бегут повещать. Поговорив с хозяйкой, которая так же жалуется на то, что торф не горит, что ей пришлось исколоть корыто, чтобы испечь хлебушки, я иду назад в первую столовую думая, что встретятся какие-нибудь недоразумения или затруднения, которые надо будет устранить. Прихожу к слепому. Изба полна народа и кишит сдержанным движением, как летнюю ночью открытая колодка пчел. Из двери валит пар. Пахнет хлебом и щами и слышно чавканье. Изба крошечная, темная, два крошечные окошечка, и то с обоих боков толсто заваленные навозом снаружи. Пол земляной, очень неровный. Так темно, особенно от народа, спинами загораживающего окна, что сначала ничего не разглядишь. Но, несмотря на эти неудобства и тесноту, стол идет в величайшем порядке. Вдоль лицевой стены, налево от двери, два стола, вокруг которых со всех сторон степенно сидит обедающий народ. В глубине избы – от наружной стены к печке – хоры, на которых уже не лежит, а сидит, обняв руками худые голени, изможденный слепой, слушая говор и звуки еды. Направо, в свободном углу перед устьем печи, стоят хозяева и добровольные помощники. Все они следят за нуждами обедающих и служат им.

За столом, в переднем углу под образами, николаевский солдат, потом деревенский старик, потом старушка, потом дети. За вторым столом, ближе к печи, спиной к простенку, жалкого вида попадья, кругом дети – мальчики и девочки и дочь попадьи, взрослая девушка. На каждом столе чашка со щами, и обедающие хлебают, закусывая теплым душистым хлебом. Чашки со щами опоражниваются. «Кушайте, кушайте, – весело и гостеприимно, подавая через головы ломти хлеба, говорит хозяйка. – Еще налью... Нынче только щи да картошки, – говорит она мне, – свекольник не поспел. К ужину будет». Старая, чуть живая старушка, стоящая у печи, просит меня давать ей на дом хлеба, она нынче насилу дотащилась, а каждый день ходить не может, а мальчик ее тут ест, так он носить будет. Хозяйка отрезает ей кусок. Старуха бережно прячет его за пазуху и благодарит, но не уходит. Дьячиха, бойкая женщина, стоящая у печи и помогающая хозяйке, словоохотливо и бойко благодарит за свою девочку, которая тут же ест, сидя у стенки, и робко просит, нельзя ли и ей самой, дьячихе, тут поесть. «Давно уже и не пробовала хлебушка чистого, нам ведь это, как мед, сладко».

Получив разрешение, дьячиха крестится, перелезает через доску, перекинутую с скамьи на лавку. Мальчик сосед с одной стороны и старушка с другой сторонятся, и дьячиха усаживается. Хозяйка подает ей хлеб и ложку. После первой перемены щей подается картошка. Из солонки каждый насыпает себе на стол кучку соли и макает в

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru эту соль очищенный картофель. Всё это – и служение за столом, и принятие пищи, и размещение людей – совершается неторопливо, прилично, благолепно и вместе с тем так привычно, что как будто это то самое, что всегда делалось, делается и не может иначе делаться. Что-то в роде природного явления. Покончив картошки и бережно отложив оставшиеся кусочки хлеба, николаевский солдат первый встает и вылезает из-за стола, и все за ним встают, поворачиваются к образам и молятся, потом благодарят и выходят. Дожидавшиеся очереди неторопливо занимают их места, и хозяйка вновь режет хлеб, раздает и наливает вновь чашки щами.

Совершенно то же самое было и во второй столовой; особенного было только то, что народу было очень много, до 40 человек, а изба была еще темнее и меньше первой. Но то же приличие посетителей, то же спокойное и радостное, несколько гордое отношение хозяйки к своему делу. Здесь хозяин мужчина служил, помогая матери, и дело шло еще скорее. Так же всё происходило и во всех других устроенных нами столовых, с теми же благолепием и естественностью. В некоторых усердные хозяйки приготавливали три и даже четыре перемены: свекольник, щи, похлебка, картофель.

Дело столовых делается так же просто, как и многие мужицкие работы, в которых все подробности, очень сложные, предоставляются самим крестьянам. В извозе, например, на который нанимают мужиков, ни один наниматель не заботится ни о веретях, ни о шпильках, ни о пехтерях и ведрах, и о многом другом, необходимом для извоза. Подразумевается, что всё это будет устроено самими крестьянами: и действительно, всё это всегда и везде, однообразно и толково и просто устраивается самими крестьянами, не требуя никакого участия и внимания нанимателя. Так точно это делается и в столовых.

Все подробности дела исполняются самими хозяевами столовых и так твердо, обстоятельно, что для учредителя остаются только общие дела, касающиеся столовых. Таких дел для учредителя столовой остается главных – четыре: 1) приготовления продовольствия в центре, из которого можно отпустить его в разные столовые, 2) наблюдения за тем, чтобы запасы напрасно не тратились, 3) наблюдение за тем, чтобы не были как-нибудь забыты люди, наиболее нуждающиеся, и заменены такими, которые могут обойтись без даровой пищи, и 4) испытывания и применения в столовых новых малоупотребительных пищевых средств, как горох, чечевица, просо, овес, ячмень, разного сорта хлебов, жмыхов и др.

Довольно много хлопот доставило нам распределение людей, получающих мясину. Некоторые из членов семьи, получающих недостаточное количество, допускались, некоторые отдавали свою мясину в столовые с тем, чтобы кормиться в них. При этом мы руководствуемся следующими соображениями: при равномерной выдаче, как это делается в нашей местности, 20 ф. на человека, мы принимаем преимущественно из больших семей. При недостаточной выдаче, каковы 20 ф. на месяц, чем больше семья, тем больше совсем необеспеченных пропитанием людей.

Теория столовых поэтому такая: для того, чтобы открыть от десяти до двадцати столовых, для прокормления от трех до восьми сот человек, необходимо в центре этой местности собрать продовольственные запасы. Таким центром всегда может быть зажиточная помещичья усадьба.

Продовольственные запасы на такое количество, положим 500 человек, будут состоять (если рассчитывать вести столовые до новины), считая по фунту смеси муки с отрубями на человека на 300 дней, на 500 человек будет 150 000 фунтов, или 3 750 пудов, или 2 500 п. ржи и 1 200 отрубей; столько же пудов картофелю, 12 саж. дров, 1 000 пудов свеклы и 25 пудов соли. 2 000 кочней капусты и 800 пудов овсянки. (Стоимость всего этого составляет по существующим ценам 5 800 рублей, т. е., с увеличением расхода на овсяный кисель, по 1 р. 16 к. на человека.) Устроив такой склад, вокруг него, на расстоянии 7–8 верст в окружности, можно открывать до 20 столовых, которые будут запасаться в этом складе. Открывать столовые надо прежде всего в самых бедных деревнях. Помещение для столовой надо выбирать у одного из самых бедных жителей. Посуду и всё нужное для изготовления пищи и стола надо предоставлять самим хозяевам столовой. Список лиц, подлежащих хождению в столовую, надо составлять с помощью старосты и, если можно, зажиточных крестьян, не посылающих своих семейных в столовую. Наблюдение за столовыми, если бы их было очень много, может быть предоставлено самим крестьянам. Но, само собою разумеется, что чем больше участия примут люди, открывающие столовые, в этом деле, чем теснее будут их отношения как к хозяевам, так и к посетителям столовых, – тем лучше будет идти это дело, тем меньше будет траты, меньше неудовольствий, тем лучше будет пища. И главное, тем радостнее

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru будет настроение людей. Но смело можно сказать, что даже при самом далеком наблюдении, при предоставлении их самим себе, столовые будут удовлетворять потребности и, вследствие наблюдения за ними самих заинтересованных крестьян, напрасной траты провизии будет никак не больше, чем на 10%, если только можно назвать напрасной тратой то, что люди унесут с собой хлеб, или отдадут его тем, у кого его нет. Такова теория устройства столовых, и всякий, кто захочет приложить ее, увидит, как легко и естественно делается это дело.

Выгоды и невыгоды столовых следующие.

Невыгода столовых, во-первых, та, что продовольствие в них обходится несколько дороже, чем при выдаче муки на руки. Если пособия выдаются даже и по 30 фун. муки на едока, то в столовых выходят те же 30 фун. муки и сверх того приварок: картофель, свекла, соль, топливо и теперь еще овсянка. Невыгода эта, не говоря уже о том, что столовые более обеспечивают людей, чем выдача на руки, выкупается тем, что при введении новых, дешевых и здоровых пищевых средств, как-то: чечевицы, гороху в разных видах, овсяного киселя, свеклы, кукурузной каши, подсолнечного и конопляного жмыхов, – количество потребляемого хлеба может быть уменьшаемо и сама пища улучшаема.

Другая невыгода та, что столовые обеспечивают от голода только некоторых слабых членов семьи, а не молодых и средних людей, которые не посещают столовые, считая это для себя унижительным. Так, при определении тех лиц, которые подлежат кормлению в столовых, крестьяне всегда исключают взрослых парней и девушек, считая это для них стыдным. Невыгода эта выкупается тем, что именно стыдливость эта перед пользованием столовыми предотвращает возможность злоупотребления ими. Приходит, например, крестьянин, требуя себе прибавки выдачи месячной и утверждая, что он два дня не ел. Ему предлагают ходить в столовую. Он краснеет и отказывается, а между тем такого же возраста крестьянин, оставшись без всяких средств и не нашедший работы, ходит в столовую. Или другой пример: женщина жалуется на свое положение и просит выдачи. Ей предлагают послать свою дочь. Но дочь уже невеста и женщина отказывается послать ее. А между тем дочь-невеста той самой попадьи, о которой я упоминал, ходит в столовую.

Третья невыгода и самая большая состоит в том, что некоторые слабые, старые и малые, и раздетые дети не могут ходить, особенно в дурную погоду. Неудобство это устраняется отчасти тем, что не могущим ходить носят те, которые ходят из того же двора, или соседи.

Больше я не знаю невыгод или неудобств.

Выгоды же столовых следующие.

Пища без сравнения лучше и разнообразнее, чем та, которая готовится в семьях. Есть возможность применять более дешевые и здоровые пищевые средства. Пища приобретается по более дешевым ценам. Топливо на печение хлебов сберегается. Семьи самые бедные, те, у которых устраиваются столовые, совершенно обеспечиваются. Исключается возможность неравенства получения пищи, часто встречающаяся в семьях по отношению к любимым членам; старые и дети получают соответствующую их возрасту пищу. Столовые, вместо раздражения и зависти, вызывают добрые чувства. Злоупотребления, т. е. получения пособий теми лицами, которые менее нуждаются в них, может быть менее, чем при всяком другом способе помощи. Пределы злоупотреблений, могущих быть в пользовании столовыми, положены размерами желудка. Человек может перебрать муки, сколько хочет, но съест никто не может больше очень ограниченного количества. И главное, самое важное преимущество столовых, ради которого одного можно и должно везде заводить их, то, что в той деревне, где есть столовая, не может заболеть и умереть человек от недостатка или недоброкачества пищи, не может быть того, что, к несчастью, повторяется беспрестанно: старый, слабый человек, больной ребенок, нынче, завтра получая дурную и недостаточную пищу, гаснет, чахнет и умирает, если не прямо от голода, то от недостатка хорошей пищи. И это самое важное.

На днях, желая избежать тех разбирательств, которые происходили в прежде открытых столовых, о том, кому ходить и кому не ходить, мы, во вновь открываемой столовой, воспользовались собравшейся по их делам сходкой и предложили самим крестьянам решить, кому пользоваться столовыми. Первое мнение, выраженное многими, было то, что это невозможно, что будут споры, ссоры и они никогда не сойдутся. Потом высказано было мнение о том, что пусть ходит с каждого двора по

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru человеку. Но мнение это скоро было отвергнуто. Есть двory, где ходить некому, и есть двory, где не один, а много слабых.

И потому согласились принять наше предложение – положиться на совесть. «Будут готовить на 40 человек, а кто придет – милости просим, а съедят всё – не взыщите». Мнение это одобрили. Один сказал, что здоровый, сильный человек и сам постыдится придти заедать сиротскую долю. На это, однако, возразил недовольный голос: и рад бы не пошел, да поневоле пойдешь, как я наемни два дня не ел.

Вот это-то и составляет главное преимущество столовых. Кто бы он ни был – записанный или не записанный в крестьянское общество, дворовый, кантонист, солдат николаевский или александровский, попадья, мещанин, дворянин, старый, малый или здоровый мужик, лентяй или трудолюбивый, пьяница или трезвый, но человек, который два дня не ел, получит мирскую пищу. В этом главная выгода столовых. Там, где они есть, никто не только не может умереть с голоду, но никто не может голодом быть принуждаем к работе.

Мотивами большего или меньшего труда могут быть всё, что хотите, но только не голод. Можно животных дрессировать голодом и заставлять делать противные их природе дела, но пора понять, что стыдно заставлять людей делать не то, чего они хотят, а то, чего мы хотим, посредством голода. Заставлять людей делать то, чего мы хотим, чтобы они делали, посредством голода, – так же постыдно, как заставлять их поступать по нашей воле посредством кнута. Пора уже нам, христианам, пережить этот фазис. Говорят и пишут о том, что крестьяне отказываются от работ и что тем, которые будут отказываться от работ, надо не давать пособия. Пора бы перестать говорить такие вещи. Во-первых, сидеть без работы для всякого человека, а в особенности для крестьянина, привыкшего к работе, есть мученье; а во-вторых, не нам, праздным людям, всегда живущим работой крестьян, говорить о их праздности и лени.

Но возможно ли везде учреждение столовых? Есть ли это мера общая, которая может быть приложена повсюду и в больших размерах? Сначала кажется, что нет, что это мера только частная, местная, случайная, которая может быть приложена только в некоторых местах, там, где найдутся особенно расположенные к такому делу люди. Так и я думал сначала, когда воображал, что для столовой придется нанять помещение, кухарку, купить посуду, придумывать и определять – какую, когда и на сколько человек готовить пищу; но тот прием столовых, который благодаря И. И. Раевскому установился теперь, устраняет все эти затруднения и делает эту меру самой доступной, простой и народной.

С нашими небольшими силами и без особенного усилия, мы в 4 недели открыли и пустили в ход в 20 деревнях 30 столовых, в которых кормятся около 1 500 человек. Соседка же наша, Н. Ф., одна в продолжение месяца открыла и ведет на тех же основаниях 16 столовых, в которых кормятся не менее 700 человек.

Открытие столовых и наблюдение за ними не представляет никаких трудностей, содержание их стоит только немного дороже того, что стоит выдача муки, если она выдается в количестве 30 ф. на месяц. (Хотя мы верно еще не учитывали, но полагаем, что содержание одного человека в столовых обойдется ни в каком случае не дороже 1 р. 50 к. в месяц.)

Мера эта (устройство столовых), не вызывая дурных чувств в народе, а напротив, вполне удовлетворяя его, достигает главной цели, которая стоит теперь перед обществом, – обеспечения людей от возможности голодной смерти, и поэтому должна бы быть принята везде. Если могут земцы – попечители и администрация учитывать крестьянский достаток и, запасая хлеб, выдавать его нуждающимся, то без сравнения меньше труда стоило бы тем же людям устраивать склады для продовольствия столовых и самые столовые.

–

На днях нас посетил калужский житель, привезший в нашу местность следующее предложение: некоторые помещики и крестьяне Калужской губернии, богатые кормами для скота, сочувствуя положению крестьян нашей местности, принужденных расставаться за бесценно с своими лошадьми, которых они за удешевленную почти цену не купят весной, предложили взять к себе на зиму, на корм, 10 вагонов, т. е. 80 лошадей из нашей местности. С лошадьми поедут выборные из тех деревень, из которых будут взяты лошади, сведут их до места и вернутся назад. Весной опять

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
выборные поедут за лошадьми и приведут их назад.

На другой день после этого предложения, в двух деревнях, в которых оно было объявлено, заявилось охотников на отправку всех 80 лошадей, и всё молодых и хороших. С тех пор каждый день приходят еще и еще крестьяне, прося взять и их лошадей.

Не может быть более сильного и определенного ответа на вопрос о том, есть ли голод и в каких размерах. Должна же быть велика нужда, если крестьяне так легко расстаются с лошадьми, доверяя их неизвестным людям. Кроме того, предложение это и принятие его для меня поразительно трогательно и поучительно. Крестьяне калужские, небогатые люди, для неизвестных им, не виданных ими братьев-крестьян, в беде берут на себя немалый и расход, и труд, и заботу, – и здешние крестьяне очевидно понимая побуждения своих калужских братьев, очевидно сознавая, что в случае нужды они бы сделали то же, без малейшего колебания доверяют неизвестным им людям почти последнее достояние, – хороших молодых лошадей, за которых, даже и при теперешних ценах, они все-таки могли бы взять 5, 10, 15 рублей.

Если бы хоть сотая доля такого живого братского сознания, такого единения людей во имя бога любви была во всех людях, как легко, да не только легко, но радостно перенесли бы мы этот голод, да и все возможные материальные беды!

Лев Толстой.

26 ноября 1891 г.

Бегичевка Данковского уезда.

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ

О СРЕДСТВАХ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ, ПОСТРАДАВШЕМУ ОТ НЕУРОЖАЯ

* № 1 (рук. № 1).

Постараюсь дать хотя общее понятие о том, на что употребляются полученные деньги.

С октября месяца, еще до того времени, как начали выдаваться пособия от земства, в деревнях Епифанского уезда было открыто 6 столовых.

Время нашего приезда сюда на границу Епифанского и Данковского уездов, в дер. Бегичевку, совпало с временем первой выдачи продовольствия из Епифанского земства, и потому лица наиболее бедные получили месячное пособие и потому, казалось, не нуждались в помощи столовых, так что существовавшие 6 столовых, кроме одной, были закрыты.

Выдача пособия вызвала всеобщее неудовольствие. Сначала то, которым было не выдано, считали себя обиженными, потом очень скоро и получившие пособие стали просить прибавки, заявляя о том, что выданного недостаточно.

Нужда в продолжение тех трех недель, которые мы пробыли здесь, равномерно растет в ужасающей прогрессии.

В статье г. Мартынова, напечатанной в Русских ведомостях, где с чрезвычайной точностью изображено положение крестьян этой местности, есть драгоценное указание о том, что было в первые два месяца проедено крестьянами. Судя по тому, сколько овец, лошадей, коров проедено в два месяца, можно судить о том, что должно быть уже не проедено (потому что проедать нечего), но израсходовано в следующие месяцы. Это-то самое пришлось видеть на деле. Потребность пищи всё та же, а лошадей, коров, овец уже нет или остаются последние, и потому лица, считавшиеся месяц тому назад ненуждающимися, теперь уже становятся очень нуждающимися. Столовые, казавшиеся не крайне нужными в Епифанском уезде, несмотря на помощь земства и Красного Креста, которая стала выдаваться в это время, сделались крайне нужными и для гораздо большего числа лиц, чем это было месяц тому назад, когда они основались.

То же самое оказалось и в Данковском уезде. Выдача пособия только несколько изменила состав людей, ходящих в столовые, но не уменьшила количество их. Количество крайне нуждающихся в пище людей постоянно прибавляется.

Там, где, как, например, в Горках, на 51 двор, где была одна столовая на 24

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru человека, удовлетворявшая всех, понадобились две столовые с 40 чел[овеками] приходящих в каждой. В приблизительно в такой же пропорции увеличилось количество кормящихся во всех вновь открытых столовых. И во всех пропорциональное количество ходящих установилось одинаковое. Во всех одна треть или около того всего населения ходит в столовые.

Ходят в столовые только старые, слабые, убогие и дети.

Кроме существующих в соседстве с нами 6 столовых, ведомых на другие средства, и те[х], к[оторые] открываются еще, открыто нами без особенного труда по 18 число 18 столовых. Кормятся в этих столовых теперь около 100 человек. Содержание столовых обходится теперь несколько дороже, чем стоило содержание прежних, во-первых потому, что топливо дровами, которыми пришлось заменить вышедший весь торф, стоит дороже, во-вторых потому, что в прежних столовых кормились преимущественно маленькие дети и самые слабые старики, теперь же более взрослые и менее старые. Хотя мы верно еще не учитывали, но полагаем, что содержание одного человека в столовых обойдется не дороже 1 р. 50 к. в месяц. Пища, получаемая в столовых, до сих пор была такая: в обед щи и похлебка картофельная, иногда щи и кисель овсяный, на ужин щи и свекольник или щи и кисель холодный, иногда еще картофель вареный. Хлеб с 1/3 ржаных отрубей. Овсяный кисель введен в употребление недавно и составляет превосходную и весьма любимую всеми, особенно старыми людьми, пищу. На днях мы получили жмыхи конопляные и подсолнечные и горох, но еще не употребляли их. Кроме открытых 17 столовых, на днях мы открываем еще 4.

Прежде надо было предлагать крестьянам устройство столовых, теперь же заявляются просьбы об устройстве их.

До сих пор, хотя нет и избытка средств, ни сил, т. е. людей, нет и недостатка ни того, ни другого, и мы надеемся не только довести начатые столовые до новины, но и на то, что такие же столовые скоро откроются в других местах Епифанского и Данковского уездов и в Ефремовском, Богородицком, Скопинском, Лебединском, Воронежском, Бобровском. Мы надеемся на то, что если только есть достаточно хлеба в России и есть то, в чем нельзя сомневаться, – достаточно людей, готовых служить этому делу, – что очень скоро все пораженные неурожаем местности России покроются сетью таких столовых, и не будет ни одного человека, который бы мог заболеть и умереть от недостатка пищи.

Кроме очевидного всем бедствия недостатка пищи и топлива, томит крестьян неурожайных мест еще одно великое горе. Это принужденная праздность. Люди взрослые, здоровые, скучающие от отсутствия работы, не могущие жить без нее, сидят мужчины и женщины, ничего не делая, имея перед собой все увеличивающуюся нужду.

Работа, какая-нибудь работа, составляет самую настоятельную необходимость.

Работа бабам могла бы быть найдена, если бы можно было приобрести лен и шерсть по таким ценам, при к[оторых] полотно и сукно в продаже могли бы оставлять хоть по 5 к. в день за работу.

То же самое и для работы мужчин. Если бы были лыки в достаточном количестве, то работа лаптей давала бы 5 копеек остатка в день, это было бы большое нравственное облегчение для народа. Есть пожертвования льна, и мы купим шерсти, надеясь приобрести за деньги и от жертвователей в скором времени и еще льна и лык.

* № 2 (рук. № 5).

Я посетил в начале октября голодающие местности нашей губернии Крапивенского, Богородицкого и Епифанского уездов и нашел положение большинства крестьян этих уездов очень тяжелым. (Я описал эти мои наблюдения в другом месте.) В конце октября я приехал в те же места и нашел положение значительно ухудшившимся. Прошло три недели, которые мы провели здесь, и, несмотря на то, что в эти три недели началась как по Тульской, так и по Рязанской губерниям выдача пособия, положение еще ухудшилось и с каждым днем ухудшается и ухудшается. В прекрасной напечатанной в № Русских ведомостей статье г-на Мартынова, правдиво и обстоятельно описывающей положение дела в той местности, в которой мы живем, есть драгоценное указание о том, сколько и какой скотины проели крестьянские семьи с весны, с тех пор, как у них дошел свой хлеб. Стоит только сличить по

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru каждому двору то, что проедено, что остается проедать и что должно быть проедено в будущем, чтобы увидеть, что положение вполне безвыходное, если не будет оказана пострадавшему от неурожая населению деятельная и своевременная помощь.

* № 3 (рук. № 5).

В последнее время выданы пособия мукою от земства и пособия, вызвав страшные раздражения и недовольства среди большинства не получивших их, оказались вполне недостаточными. Нужда растет в такой большой прогрессии, что пособия эти оказались совершенно незаметной помощью и, странно сказать, вызвали гораздо больше недовольствия, чем удовольствия.

Положим, что в нашей местности – говорят, что в других местах: Казанской, Воронежской, Нижегородской губерниях положение еще хуже – очень тяжелое, напряженное и опасное, помощь нужна и с каждым днем становится нужнее.

* № 4 (рук. № 4).

Тот способ, который употребляется теперь, – раздачи мукой, мне думается, мог бы хоть отчасти достигнуть первой цели – поддержания крестьянского хозяйства, если бы только цель эта была ясно сознана и способ распределения был бы совершенно изменен. Достижение этой цели страшно трудно, страшно трудно поправить и поддержать, не дать рухнуть расшатанному годами внешними и внутренними причинами крестьянскому хозяйству. Но, несмотря на трудность этого дела, нельзя не стараться сделать хоть что-нибудь для достижения этой цели. И потому всё, что сделает земство для этой цели, если оно достигнет хоть 1/100 того, что было бы желательно, будет важное и доброе дело. Но другая цель – предотвращения возможности болезней и смертей от недостатка и дурного качества пищи, не достигается совсем этим способом и потому для достижения этой цели должен быть употреблен иной, более целесообразный способ, чем выдача мукою. Наиболее целесообразный способ этот был бы такой, при котором в каждой деревне каждый человек мог бы наверное в случае нужды найти здоровую и достаточную пищу. Достигнуть этого можно бы было устройством по деревням даровых столовых.

* № 5 (рук. № 5).

Помощь, оказываемая земством в виде выдачи муки, как теперь решено у нас, не более как по 20 фун. на месяц, во-первых, не может быть правильно распределена, и, во-вторых, сама по себе ничтожна. Помощь эта не достигает ни цели поддержания крестьянского хозяйства, ни главной цели избавления людей от болезней и смертей, происходящих от недостатка и недоброкачества пищи. Правительство как будто смешивает эти две цели, и смешение это вредит цели. Нельзя не желать достижения первой цели и не стремиться к тому, чтобы насколько возможно поддержать основу нашего богатства – крестьянское хозяйство. Но я говорю, что это невозможно сделать, не сделав прежде второго, 2 и, во-вторых, это невозможно сделать теми мерами, которые употребляет земство. Невозможно достигнуть этой цели теми мерами, которые употребляет земство по следующим соображениям. Прежде всего нужно, чтобы живые люди не заболели и не мерли от голода.

Податная единица, и богатства страны, и могущество России всё очень важные вещи, но важнее всего то, чтобы не мерли от нужды одни люди, когда у других есть избыток и они могут спасти их.

Комментарии А. И. Опульского

«О СРЕДСТВАХ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ, ПОСТРАДАВШЕМУ ОТ НЕУРОЖАЯ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Занявшись организацией помощи голодающим, Толстой решил написать статью о средствах борьбы с голодом. «Я надеюсь написать статью относительно подробностей нашей работы, – сообщает он 4 ноября 1891 г. лондонскому издателю Фишеру Унуину, – статью, которая, будучи переведена на английский язык, даст вашему обществу понятие о положении дел и о средствах, употребляемых для борьбы с бедствием настоящего года». 3 А 7 ноября, на следующий день после выхода в свет статьи «Страшный вопрос», Толстой пишет жене: «Нынче хочу написать статью описание столовых. Это очень важно. Как они устраиваются и как идут, с тем чтобы каждый знал, как пользоваться этим чудесным, простым, практическим, народным и лучше других достигающим цели [средством]». 4 В тот же день, сообщая М. А. Шмидт и О. А. Баршевой, что статьи «О голоде» и «Страшный вопрос» «кажется обе не пропустили», Толстой добавлял: «...Теперь пишу еще». 5 В последующие дни он продолжал работать над статьей 6 и 17 ноября писал жене: «...У меня есть написанная, не поправленная, большая статья о столовых... Надо подождать, выдет ли гротовская [«О голоде»], чтобы не было повторений и недосказанного». 7

В ожидании Толстой начал было писать отчет о полученных пожертвованиях, «коротенькую статью», как называется она в переписке. 17 ноября Т. Л. Толстая писала матери: «Посылаю.. отчет в полученных до 14 ноября деньгах – папа говорит, что надо бы напечатать его. Вы пришлите то, что вы получили, и все это вместе пошлите в «Русские ведомости» с просьбой, чтобы те газеты, которые перепечатали ваше письмо, перепечатали бы и отчет, или не отчет, а просто список полученных пожертвований».8 Однако в тот же день Толстой сообщил жене: «Хотел я... послать несколько слов о нашей деятельности и список полученных пожертвований и целое утро писал, но не кончил и решил подождать».9 Письмо Т. Л. Толстой еще не было отослано и в соответствии с этим решением она, хотя и послала статью, но приписала: «Папа раздумал печатать список пожертвований, хочет потом напечатать его вместе с статьей и с отчетом».

Толстой работал над этой статьей один день: материал ее частично использован в статье «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая».

С 18 ноября Толстой возвратился к работе над статьей «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая». В письме к жене от 19 ноября он сообщал: «Вчера я с вечера усердно писал статью, описывающую нашу деятельность, сегодня утром проснулся в 7-мь и писал, не выходя из комнаты. Пустая статья, но нужна тем, что сообщает другим приемы заведения и ведения столовых. Она еще не переписана, и едва ли к завтраму кончу».10 В последующие дни Толстой продолжал работать над статьей, а 23 ноября писал жене: «Статья моя о столовых, кажется, готова, но еще не переписана. Надеюсь завтра выслать ее тебе. Ты просмотришь и пошлешь к Гайдебурову [в «Неделю»]. Он всегда так желателен, а я его обхожу для Русских Ведомостей, совсем мне чуждых. Кроме того, он скорее других напечатает. Впрочем, делай, как знаешь. Я вижу, что ты живешь этим делом не меньше нашего».11

О намерении печатать статью в «Неделе» писал Толстой и В. Г. Черткову 25 ноября: «Теперь я написал... очень неважную, описывающую устройство столовых [статью], и попробую послать ее Гайдебурову. Жалко будет, если запретят, потому что она описывает способ устройства самой лучшей формы помощи и хотелось бы сообщить другим этот прием, так он прост, естественен и полезен».12

Окончил Толстой статью 26 ноября (авторская дата на рукописи). Отослана она была 28-го.

«Посылаю тебе статью о столовых, – писал он 28 ноября жене. – Мне хотелось не обидеть Гайдебурова, который прислал тоже пожертвования из своей газеты и скромно писал Тане: за что ваш батюшка меня забыл? Но я готов согласиться и с тобой и отдать в Русские Ведомости. – Ты прочти ее, исправь, перепиши (можно и не переписывать), впиши пожертвования твои и Танины и приложи. Если что-нибудь неладно или задержка выйдет в чем-нибудь, то мы подведем, и я поправлю».13

Статья вышла в свет около 10 декабря 1891 г. в сборнике «Помощь голодающим», изданном «Русскими ведомостями», а через несколько дней была выпущена редакцией «Русских ведомостей» отдельной брошюрой.

Одновременно Толстой решил опубликовать статью за границей. 25 декабря, сообщая Э. Диллону, что «статья в сборнике Русских ведомостей, говорят, вышла»,14 он предлагал ее перевести на английский язык. Известно, что статью переводила на английский язык И. Гэпгуд, перевод которой Толстой очень одобрил.15

В настоящем издании статья печатается по тексту, опубликованному в сборнике «Помощь голодающим», с выверкой по рукописям.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 2 лл. в 4°. Начало: «Получено нами в Москве и в Данк [овском] уезде...»; конец: «...Надеюсь в скором времени удовлетворить этим требованиям». Печатается вариант № 1.

2. Копия предыдущей рукописи рукой Е. И. Попова, с поправками и вставками Л. Н. Толстого. (Конец рукописи – автограф Толстого, с небольшими изменениями вошел в печатный текст, где он заключает всю статью.) 6 лл. в 4°. Начало: «Получено нами в Москве в Данковском уезде»; конец: «...Легко и радостно перенесли бы этот голод». При дальнейшей работе над статьей все написанное было отброшено и

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru использованы только два отрывка.

3. Автограф. 11 лл. в 4°. Начало: «В борьбе с бедствием...»; конец: «...таких складов и столовых». На первом листе заглавие рукой Толстого: «О <столовых> способе помощи» и дата рукой переписчика: «1 ноября 91». На обложке надпись переписчика: «Черновая о столовых. 18 н. 1891 г.».

4. Копия предыдущей рукописи рукой Т. Л. и М. Л. Толстых, А. М. Новикова и неизвестного переписчика, с многочисленными поправками и вставками Толстого. 14 лл. в 4°. Начало: «В борьбе с бедствием нынешнего года...»; конец: «...легко и естественно делается это дело, <как нечто>». Рукопись неполная, часть листов переложена в рукопись № 5, некоторые утеряны. Печатается вариант № 4.

5. Копия предыдущей рукописи рукой М. Л. и Т. Л. Толстых, А. М. Новикова и неизвестного переписчика, с многочисленными поправками и вставками Толстого. 39 лл. в 4°. Начало: «...двору то что <с> проедено...»; конец: «...перенесли бы этот голод». Печатаются варианты №№ 2, 3, 5.

6. Наборная рукопись. Копия предыдущей рукописи рукой Е. И. Попова, М. Л. и Т. Л. Толстых, с немногочисленными поправками Толстого.

21 лл. в 4°. Начало: «Я посетил в начале октября...»; конец: «...перенесли бы мы этот голод! Бегичевка. 26 ноября 1891. Лев Толстой». Дата и подпись – рукой Толстого. Заглавие рукой переписчика: «О столовых».

Текст наборной рукописи отличается от опубликованного в сборнике «Помощь голодающим» некоторыми исправлениями и сокращениями (довольно значительными). Повидимому, поправки были сделаны в корректурах, которые утеряны.

Кроме указанных рукописей, к статье относится черновой материал (3 лл. в 4°).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОМУ ТОМУ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ.

В настоящем томе печатаются художественные и публицистические произведения Л. Н. Толстого за 1891–1894 годы. Среди них – рассказы «Хозяин и работник», статьи о голоде, «Предисловие к «Крестьянским рассказам» С. Т. Семенова», неоконченные художественные произведения: «Кто прав?», «Мать», «Петр Хлебник» и др. Идейная проблематика большинства вошедших в этот том работ Л. Толстого непосредственно связана с вопросами, возникшими в жизни России в связи с охватившим страну в 1891–1893 годы голодом.

Голод был одним из проявлений крайнего обострения социальных противоречий, особенно резко обозначившихся в России в 90-е годы. В. И. Ленин писал в 1902 году в статье «Признаки банкротства»: «Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности... С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой... Государственный строй, искони державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться»¹⁶.

1891–1894 годы явились значительным этапом в жизни и творчестве Л. Толстого. Именно в эти годы он особенно ясно осознал социальные причины тяжелого положения трудового народа. В эти годы он пришел к несомненному выводу, что долго строй насилия и угнетения продержаться не может, что «дело подходит к развязке». «Какая будет развязка, – писал он 31 мая 1892 года Г. А. Русанову, – не знаю, но что дело подходит к ней и что так продолжаться, в таких формах, жизнь не может, – я уверен»¹⁷.

Толстой не увидел пути, который должен был привести к этой «развязке». Не революционная борьба масс за свои права, а добровольный отказ господствующих классов от привилегированного положения представлялся ему средством спасения от всех социальных зол. В этом сказалась слабость Толстого, выразителя взглядов политически отсталого патриархального крестьянства. Но величайшей заслугой писателя остается то, что «он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования»¹⁸. Это стихийное чувство протеста многомиллионных масс крестьянства против помещичье-капиталистического гнета,

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru малоземелья, податной зависимости, против темноты и забитости, экономического и политического бесправия с огромной силой и искренностью выразил Толстой в произведениях, созданных им в период 1891–1894 годов.

I

В творчестве Толстого 1891–1894 годов центральное место принадлежит публицистике. К этому времени относятся широко известные статьи о голоде, которые явились горячим откликом писателя на всенародное бедствие.

Чтобы вполне понять и оценить все значение общественной и писательской деятельности Толстого этого времени, необходимо иметь ясное представление о той обстановке, в какой ему приходилось писать и действовать.

Уже летом 1891 года в газетах стали появляться тревожные известия из различных губерний России о надвигающемся голоде. Однако ни правительство, ни земства, ни официальная печать не проявляли беспокойства. В одной из статей августовской книжки консервативного журнала «Русский вестник» сообщалось: «Теперь недород хлебов поразил более десяти губерний, и никому не приходит в голову мысль о непосильности для государства борьбы с голодом... Печать исполняет свою обязанность, спокойно обсуждая меры необходимой помощи». Либерально-народническая «Русская мысль» так же «спокойно обсуждала меры необходимой помощи» и все свои упования и надежды возлагая на «чуткость» правительства. «Русские ведомости», в свойственном им тоне «умеренности и аккуратности», тоже старались не «пугать» общественное мнение надвигающимся голодом и горячо протестовали против запрещения вывоза хлеба за границу. Даже в ноябре 1891 года, когда многие губернии охватил жесточайший голод, «Русская мысль» оптимистически утверждала: «Итак, нет причины отчаиваться и опускать руки; пусть только пойдут широким руслом частные пожертвования – и наиболее острый кризис без особого труда будет осилён».

Земства, взявшиеся за организацию помощи голодающим, возглавлялись помещиками и интеллигентами, настроенными либерально, а часто и консервативно. Они не только не требовали от правительства серьезной помощи, но в своих статистических сведениях всеми способами «сокращали едоков» – число крестьян, нуждающихся в продовольственной или денежной ссуде. А губернская администрация находила обычно преувеличенными или излишними и эти урезанные требования и часто уменьшала размеры помощи, а то и вовсе отказывала в ней.

Отношение Толстого к средствам борьбы с голодом, в котором он видел огромное народное бедствие, было крайне сложным и противоречивым. С глубоким возмущением отнесся он к лицемерному обсуждению мер помощи народу, ограбленному и доведенному до крайней нужды теми самыми людьми, которые теперь собирались «опекать» своих «меньших братьев». В Дневнике он записывает: «Все говорят о голоде, все заботятся о голодающих, хотят помогать им, спасать их. И как это противно. Люди, не думавшие о других, о народе, вдруг почему-то возгораются желанием служить ему. Тут или тщеславие – высказаться, или страх; но добра нет»¹⁹. Толстой отвергает, как нелепую, мысль о возможности прокормить народ за счет подачек богачей.

Вместе с тем, всецело в духе своего утопического и реакционного религиозно-нравственного учения, он надеется, что достаточно написать или сделать то, что смогло бы «тронуть сердца богатых»²⁰, как совершится чудо: отказавшись от своих привилегий, сытые с раскаянием и любовью придут к своим голодным «братьям».

Глубоко сочувствуя народу, Толстой с тревогой следил за тем, что происходило в охваченных голодом деревнях. Положение народа становилось все более тяжелым и безысходным, а правительственная и земская помощь неспособна была что-либо изменить.

В сентябре 1891 года Толстой объезжает ряд деревень Тульской и Рязанской губерний и близко знакомится с народной нуждой. Голодных крестьян, у которых нет вдоволь даже хлеба с лебедой, огромное число нищих, развалившиеся дома, отсутствие топлива, и все это рядом с довольством помещичьих усадеб – нашел Толстой во всех деревнях. Возвратившись в Ясную Поляну, он начал работать над статьей «О голоде», в которой собирался рассказать подлинную правду обо всем, что видел: о крестьянской нужде, помещичьей роскоши, преступном равнодушии «верхов» к народу и о ничтожности правительственной и земской помощи.

Под впечатлением невыносимых страданий народа Толстой приходит к мысли, что нельзя ждать, пока господа раскаются в своем «грехе». Он убеждается, что в существующих условиях, если не оказать народу помощи, тысячи людей будут умирать от голода и болезней, не возбудив и тени сострадания у господствующих классов. И Толстой решает заняться организацией помощи голодающим. С этой целью он в октябре 1891 года поселяется в имении своего друга И. И. Раевского Бегичевке Рязанской губернии. Вместе со своими помощниками он устраивает в окрестных деревнях многочисленные столовые для крестьян и их детей, собирает и распределяет пожертвования, организует медицинскую помощь. «...Не могу жить дома, писать. Чувствую потребность участвовать»²¹, – пишет он в это время Н. Н. Ге.

Деятельное участие Толстого в помощи голодающим и его статьи этого периода, полные гнева к эксплуататорам и горячей любви к народу, навсегда останутся свидетельством глубокой и кровной связи великого писателя с народом.

Статьи Толстого о голоде можно разделить на две группы. Одна – это статьи «О голоде»²², «Заключение к последнему отчету о помощи голодающим», «Голод или не голод?»²³. В них писатель ставит коренные, общие вопросы, возникшие в связи с голодом, показывает во всей неприглядности тяжкую долю народа, с беспощадной резкостью критикует современный общественный порядок, выдвигает требования, которые, по его мнению, необходимо удовлетворить, чтобы не было голодовок, постоянной нищеты и вымирания русского крестьянства. Эти статьи представляют наибольший интерес, хотя именно в них со всей остротой проявляются поистине кричащие противоречия взглядов Толстого: обличение существующего строя и вместе с тем незнание подлинных путей его изменения, проповедь нравственного совершенствования и непротivления злу насилием.

Другая группа – это статьи «Страшный вопрос», «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая», непосредственно связанные с практической деятельностью Толстого во время голода, отчеты об израсходовании пожертвованных денег. В этих статьях писатель рассказывал о своей работе и работе своих помощников по борьбе с голодом и обращался к прогрессивной части русского общества с призывом воспользоваться его опытом. В них он настойчиво требовал широкой организации бесплатных столовых для крестьян как наиболее действенной формы помощи голодающим.

В обличительном пафосе статей Толстого о голоде ярко отразились настроения многомиллионного русского крестьянства, у которого «века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости»²⁴.

Правда о русской деревне, рассказанная Толстым в статье «О голоде», обличала эксплуататорский строй царской России. Это была та правда, которую тщательно старались скрыть и консервативные, и либеральные защитники существующих порядков. В своей статье Толстой указывает, что хищническим хозяйничаньем помещиков и капиталистов крестьяне доведены до крайней нужды и разорения. Уже в самом начале осени, рассказывает писатель, в одной из деревень Ефремовского уезда «из 70-ти дворов есть 10, которые кормятся еще своим. Остальные сейчас, через двор, уехали на лошадях побираться. Те, которые остались, едят хлеб с лебедой и с отрубями, который им продают из склада земства по 60 копеек с пуда». Толстой на основании многочисленных фактов утверждал, что в таком положении постоянно, а не только в голодный год находятся миллионы крестьян России. Он разоблачает клевету господствующих классов, будто народ голоден оттого, что ленив, пьянствует, дик и невежествен. Народ голоден оттого, что его душат малоземелье, подати, солдатчина, что «распределение, производимое законами о приобретении собственности, труде и отношениях сословий, неправильно». Улучшить положение народа можно, по мысли Толстого, лишь тем, чтобы перестать грабить и обманывать его. А взять у господ часть их богатств и раздать голодающим – все равно, что заставить паразита кормить то растение, которым он питается. «Мы, высшие классы, живущие все им, не, могущие ступить шагу без него, мы его будем кормить! В самой этой затее есть что-то удивительно странное», – восклицает Толстой. Именно эти слова Толстого имел в виду В. И. Ленин, когда в статье «Признаки банкротства» писал: «В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается». Это была, действительно, нелепая идея»²⁵.

В статье «О голоде» Толстой беспощадно разоблачает лицемерие эксплуататорских

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru классов, которые делают вид, что озабочены голодом, встревожены положением народа, а в действительности более чем равнодушны к совершающемуся бедствию и стараются всеми средствами еще сильнее закабалить крестьян. Писатель гневно обнажает подлинную сущность происходящего, показывает, что между эксплуататорами и народом нет иных отношений, кроме отношений господина и раба. «Не говоря о фабричных поколениях, гибнущих на нелепой, мучительной и развращающей работе фабрик для удовольствия богатых, – пишет Толстой, – всё земледельческое население, или огромная часть его, не имея земли, чтобы кормиться, вынуждено к страшному напряжению работы, губящей их духовные и физические силы, только для того, чтобы господа могли увеличивать свою роскошь. Всё население спаивается, эксплуатируется торговцами для этой же цели. Народонаселение вырождается, дети преждевременно умирают, всё для того, чтобы богачи – господа и купцы жили своей отдельной господской жизнью, с своими дворцами и музеями, обедами и концертами, лошадьми, экипажами, лекциями и т. п.».

Однако в статье «О голоде», как и в других произведениях, Толстой высказывает иллюзорную надежду, что господа могут добровольно «перестать делать то, что губит народ», возратить награбленное, изменить свою жизнь и тем самым разорвать кастовую черту, отделяющую их от народа. Он обращается к «высшим классам» с призывом: отнестись к народу «не только как к равным, но к лучшим нашим братьям, таким, перед которыми мы давно виноваты», прийти к ним «с раскаянием, смирением и любовью», поступить подобно мученику Петру, который, раскаявшись в своем жестокосердии, отказался от всего богатства и сам продался в рабство²⁶. Так решение глубоко поднятых и со всей резкостью поставленных в статье «О голоде» социальных вопросов Толстой переводит в плоскость отвлеченных рассуждений о «грехе», «братской любви» и т. п.

Занимаясь помощью голодающим, Толстой еще больше убедился в том, что причина бедственного положения народа – не в неурожае, а в самой системе угнетения меньшинством эксплуататоров огромного большинства трудящегося народа. Подводя итоги всему тому, что он видел во время голода, Толстой в «Заклании к последнему отчету о помощи голодающим» снова указывает, что связь роскоши одних с лишениями и страданиями других очевидна, что народ вымирает от непосильной работы и постоянного недостатка пищи. Толстой утверждает здесь, как и позднее в романе «Воскресение», «что люди, которые служат правительству, делают это не для блага народа, который не просит их об этом, а только потому, что им нужно жалованье; и что люди, занимающиеся науками и искусствами, занимаются ими не для просвещения народа, а для гонорара и пенсии; и люди, удерживающие от народа землю и возвышающие на нее цены, делают это не для поддержания каких-либо священных прав, а для увеличения своего дохода, нужного им для удовлетворения своих прихотей».

Превосходно зная истинное положение русской деревни, Толстой понимал, что голод и в последующие годы не перестанет душить нищую, обездоленную русскую деревню. И если господствующие классы будут молчать «про нужду, холод и голод, вымирание замученных работой взрослых и недоедающих старых и малых сотен тысяч людей», как это было в 1891–1892 годах, то лишь для того, чтобы скрыть истину и не возбуждать общественного мнения.

Вместе с тем, вступая в противоречие со своей трезвой оценкой действительного отношения господ к народу, вопреки тому, что он наблюдал во время голода, Толстой и эту статью заключает призывом к богатым раскаяться, отречься от «ложного» христианства и признать «истинное».

90-е годы были временем бурного развития в России капитализма и крайнего обнищания, ограбления, вымирания народа. По поводу этого десятилетия в экономической жизни России В. И. Ленин писал в 1901 году: «Не одно только разорение, а прямое вымирание русского крестьянства идет в последнее десятилетие с поразительной быстротой, и, вероятно, ни одна война, как бы продолжительна и упорна она ни была, не уносила такой массы жертв»²⁷.

В 1898 году в России вновь разразился голод. Снова повторилось то, что было в 1891–1892 годах, лишь с той разницей, что царское правительство, напуганное ростом революционного движения, особенно настойчиво пыталось доказать, что голода нет, и усилило репрессии по отношению к тем, кто пытался организовать помощь народу. Голод 1898 года особенно наглядно доказал «одну старую истину», о которой в 1901 году Ленин писал в статье «Борьба с голодающими»: «...полицейское правительство боится всякого соприкосновения с народом сколько-нибудь

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru независимой и честной интеллигенции, боится всякого правдивого и смелого слова, прямо обращенного к народу, подозревает – и подозревает совершенно справедливо, – что одна уже забота о действительном (а не мнимом) удовлетворении нужды будет равносильна агитации против правительства, ибо народ видит, что частные благотворители искренно хотят ему помочь, а чиновники царя мешают этому, урезают помощь, уменьшают размеры нужды, затрудняют устройство столовых и т. д. »28.

В статье «Голод или не голод?», относящейся к 1898 году, Толстой с негодованием пишет о тех препятствиях, которые чинят представители власти делу помощи голодающим. Столовые нельзя открывать без разрешения губернатора, без соглашения с местным попечительством, без особого обсуждения вопроса о каждой новой столовой с земским начальником. Кроме того, без санкции губернатора запрещено всем не местным жителям участвовать и помогать в устройстве столовых. Практически все это означало полное запрещение помощи голодающему народу. «Так что, – пишет Толстой, – несмотря на несомненную нужду народа, несмотря на средства, данные жертвователями для помощи этой нужде, дело наше не только не может расшириться, но находится в опасности быть совершенно прекращенным».

Царское правительство и реакционная печать всеми средствами стремились доказать, что голода нет и народ благоденствует, опекаемый «отцами» – помещиками и «батюшкой» царем. Разоблачая эти утверждения, Толстой пишет в статье «Голод или не голод?»: «Голода нет, а есть хроническое недоедание всего населения, которое продолжается уже 20 лет, и всё усиливается... Голода нет, но есть положение гораздо худшее. Всё равно, как бы врач, у которого спросили, есть ли у больного тиф, ответил бы: «Тифа нет, а есть быстро усиливающаяся чахотка».

И Толстой формулирует требования, которые, по его мнению, необходимо выполнить, чтобы прекратились постоянные голодовки русского крестьянства. «...Нужно, не говорю уже уважать, – пишет он, – а перестать презирать, оскорблять народ обращением с ним, как с животным, нужно дать ему свободу исповеданья, нужно подчинить его общим, а не исключительным законам, а не произволу земских начальников; нужно дать ему свободу ученья, свободу чтенья, свободу передвижения и, главное, снять то позорное клеймо, которое лежит на прошлом и теперешнем царствовании – разрешение дикого истязания, сечения взрослых людей только потому, что они числятся в сословии крестьян».

Именно эти требования выдвинул Толстой и в начале 900-х годов, выступая от имени «большинства людей русского народа», в своем письме к Николаю II и статье-обращении «Царю и его помощникам». Именно эти требования отражали интересы миллионов русского крестьянства накануне первой революции в России. С другой стороны, именно связью с настроениями политически отсталого патриархального крестьянства объясняется тот факт, что и в 1898 году, и позднее, накануне и во время революции 1905 года, Толстой не знал подлинных путей борьбы за насущные права трудового народа. Поэтому и в статье «Голод или не голод?» он все надежды возлагал на «братское единение людей» независимо от их классовой принадлежности.

Очевидно, насколько наивны и утопичны упования Толстого на «смирение» богатых. Но не в них состоит основное содержание и значение его статей о голоде. Основной смысл и сила этих статей заключается в беспощадно резком обличении всех порядков самодержавной России. Недаром цензура запретила печатание статьи «О голоде» и лишь после бесконечных мытарств статью удалось опубликовать, да и то в безобразно изуродованном виде. Недаром с бешеной злобой обрушилась на Толстого охранительная печать и все блюстители порядка, когда «Московские ведомости» провокационно перепечатали выдержки из статьи «О голоде».

«Московские ведомости», орган наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства, грубой и откровенной бранью «комментировали» статью Толстого. «Письма Толстого... являются открыто пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя, – писала газета. – Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда». И действительно, хотя Толстой был далек в статье «О голоде» от призывов к революции, объективно статья играла революционизирующую роль. По свидетельству советника при министре иностранных дел В. Н. Ламздорфа, прокламации, захваченные тогда полицией, «находились в прямой связи с мыслями, высказанными Толстым. Это доказало действительную опасность письма. В связи с этим в городе было

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru произведено несколько обысков»²⁹.

Газетам было приказано не перепечатывать статьи из «Московских ведомостей» и даже не комментировать ее. При дворе стали поговаривать о заточении Толстого в тюрьму Суздальского монастыря или заключении в дом для умалишенных. Министр внутренних дел Дурново, делая доклад Александру III, заявил, что «письмо» Толстого «по своему содержанию должно быть приравнено к наиболее возмутительным революционным воззваниям», но, принимая во внимание, что «привлечение в настоящее время графа Толстого к ответственности может повлечь нежелательное смятение в умах», рекомендовал ограничиться предупреждением автору «статей противоправительственного направления»³⁰.

Враждебно была встречена правительственными кругами и вторая статья Толстого о голоде – «Страшный вопрос». За опубликование ее министр внутренних дел сделал газете «Московские ведомости» предупреждение, как позднее и газете «Русь» за помещение статьи «Голод или не голод?». «Заключение к последнему отчету о помощи голодающим» было запрещено цензурой и опубликовано лишь в 1896 году за границей.

Однако никакие запреты и преследования не могли заглушить голос Толстого-обличителя. Сознывая свою глубокую правоту защитника угнетенного многомиллионного народа и обличителя праздных тунеядцев, Толстой писал по поводу шумихи, поднятой вокруг статьи «О голоде» в реакционной печати и правительственных кругах: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам, уже 12 лет, и пишу не нечаянно, а сознательно, и не только оправдываться в этом не намерен, но надеюсь, что те, которые желают, чтобы я оправдывался, постараются хоть не оправдаться, а очиститься от того, в чем не я, а вся жизнь их обвиняет... То же, что я писал в статье о голоде, есть часть того, что я 12 лет на все лады пишу и говорю, и буду говорить до самой смерти, и что говорит со мной всё, что есть просвещенного я честного во всем мире»³¹.

II

Социальные противоречия русской жизни, особенно резко обозначившиеся во время голода 1891–1892 годов, определили идейное содержание и художественных произведений Толстого. Изображение контраста жизни народа и господ становится основной темой его творчества в 90-е годы. Это относится к таким произведениям, как рассказы «Кто прав?» (1891) и «Хозяин и работник» (1894–1895), вошедшим в настоящий том, и особенно к роману «Воскресение», который был задуман и начат в конце 80-х годов, но в основном создавался в 1895–1899 годы, под непосредственным впечатлением того, что наблюдал Толстой во время голода 1891–1892 и 1898 годов.

Рассказ «Кто прав?» Толстой начал писать вскоре по приезде в Бегичевку. Страшные картины, резкие контрасты, которые писателю приходилось наблюдать во время голода, определили содержание рассказа. Все персонажи, сцены, диалоги даются в рассказе в резком социальном противопоставлении. Оборванная женщина с сумой, в разбитых лаптях, и барыня, восхищающаяся своими заграничными туфлями. Замученный нищий мужик, продающий последнего барана, чтобы купить детям хлеб, и сытые тунеядцы, развлекающиеся светской болтовней, флиртом и планами предстоящей охоты. Через весь рассказ проходит мысль о глубоком отчуждении господ от народа, о полном их равнодушии к его нуждам и интересам.

Рассказ не был закончен. Судя по эпиграфу и по тому, что в дневнике Толстой называет его постоянно «О детях», писатель хотел поставить в рассказе вопрос: кто прав – дети, которые забывают о том, что они «господа», беззаветно отдаются помощи голодающему народу и входят в непосредственное общение с ним, или их родители, пытающиеся свести все к расчетливой и «приличной» благотворительности. Как и в статьях о голоде, Толстой в этом рассказе намерен был осудить господ, равнодушных к народу и прикрывающих это равнодушие лицемерной маской заботы о «меньшом брате». Когда С. А. Толстая, прочитав начало рассказа, писала: «Разумеется, ясно, к чему клонит рассказ; и ты, видно, хочешь, чтоб виноватых не было»³², Толстой отвечал: «Ты не угадала... к чему клонит»³³. Несомненно, что писатель намеревался ввести в рассказ мотив «виновности» господ.

В 1895 году, обратившись к рассказу «Кто прав?», Толстой решил коренным образом переделать его. Он пришел к выводу, что конфликт детей и родителей – не столь значителен по сравнению с основным конфликтом эпохи – между истощенными от голода, крестьянами и живущими в роскоши и довольстве паразитическими классами.

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru «...Ясно понял, отчего у меня не идет Воскресенье. Ложно начато. Я понял это, обдумывая рассказ О детях – Кто прав, – записывает Толстой в Дневнике, – я понял, что надо начинать с жизни крестьян, что они предмет, они положительное, а то тень, то отрицательное»³⁴. Вероятно потому, что картина тяжкого положения народа была во всей полноте развернута в «Воскресении», Толстой, увлекшись работой над романом, оставил мысль о переделке рассказа «Кто прав?».

Зимой 1891/92 года в Бегичевке был задуман и рассказ «Хозяин и работник»³⁵.

Знание народной жизни, деревенского быта позволили Толстому создать в этом рассказе глубочайшие по силе типического обобщения образы бездомного Никиты и «хозяйственного» Брехунова. Трезвый и зоркий наблюдатель жизни русской деревни, Толстой раскрывает подлинную причину богатства хозяина и нищеты работника. «Василий Андреич платил Никите не восемьдесят рублей, сколько стоил такой работник, а рублей сорок, которые выдавал ему без расчета, по мелочи, да и то большей частью не деньгами, а по дорогой цене товаром из лавки». Рабство капиталистическое ложится на плечи трудового народа еще более тяжким бременем, чем крепостное право. Об этом ужасающем положении крестьянства Толстой, спустя два года по окончании «Хозяина и работника», записал в Дневнике: «Как Гюливера, привязали мужика волосками в Европе, у нас бечевками. Прежде было рабство – цепь. Она была видна, а теперь волосы. Так опутали его, что он сам защищает своих врагов высасывателей. Ужасно это видеть»³⁶.

Постоянно обманывая, обирая работника, хозяин не перестает твердить: «Мы по чести. Ты мне служишь, и я тебя не оставляю». И забитый, приученный рабской жизнью к терпению крестьянин не протестует, хотя очень хорошо понимает, что Василий Андреич обманывает его. Но он чувствует, «что нечего и пытаться разъяснить с ним свои расчеты, а надо жить, пока нет другого места, и брать, что дают». А другого места нет; да и хозяева всегда и везде одинаковы.

Противопоставляя хозяина и работника, эксплуататора и эксплуатируемого, Толстой все симпатии отдает батраку Никите, представителю трудящегося народа.

Никита трудолюбив, ловок и силен в работе. В рассказе много раз подчеркивается, что он работает весело, охотно, бодро. У него «добрый, приятный характер»; в обращении с людьми он всегда ласков (характерные для его речи выражения: «душа милая», «голубок»). В противоположность Никите хозяин – грубый, самодовольный и неумный человек.

В дороге Брехунов занят мыслью о предстоящей выгодной покупке, о барышничестве и пытается уговорить Никиту купить никуда негодную лошадь.

В опасности Никита оказывается смелее и сметливее Брехунова, он действует спокойно и решительно, и хозяин подчиняется его авторитету, что не мешает ему, однако, осуждать «необразованность и глупость мужицкую».

Хищничество и самодовольство Брехунова, прикрытые благовидной маской: «мы по чести», беспощадно разоблачаются Толстым, более беспощадно, чем, например, мошенничество купца Рябинина в «Анне Карениной», ибо сам делец стал наглее и циничнее. Кроме того, Толстой рассматривает теперь последствия «деятельности» таких предпринимателей, как Брехунов, с точки зрения интересов многомиллионных масс трудящегося крестьянства. В ярком, сильном, искреннем протесте писателя против Брехунова отразились горечь и обида, невыраженный протест «смирненного» Никиты, всего патриархального крестьянства, обираемого Брехуновыми.

Но, как и во всем творчестве Толстого позднего периода, «беспощадная критика капиталистической эксплуатации» сочетается в «Хозяине и работнике» с «юродивой проповедью «непротвения злу» насилием»³⁷.

Писатель стремится доказать в рассказе, что смирение и покорность – естественные, истинно привлекательные, «христианские» качества работника Никиты, и всячески поэтизирует их.

Центральным является в рассказе заключительный эпизод, когда хозяин и работник, не надеясь найти дорогу, решили заночевать в поле. Возможность смерти во всей ее реальности представилась обоим. Никите мысль о смерти не была «особенно неприятна... потому, что вся его жизнь не была постоянным праздником, а, напротив, была непрерывающей службой, от которой он начинал уставать». Мысль о смерти не

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru страшна была Никите, по словам Толстого, и оттого, что «он чувствовал себя всегда в этой жизни в зависимости от главного хозяина, того, который послал его в эту жизнь, и знал, что и умирая он останется во власти этого же хозяина, а что хозяин этот не обидит». Василию Андреичу мысль о смерти показалась страшной.

Толстой, однако, не останавливается на этом противопоставлении. Писателю-моралисту, проповеднику теории нравственного «просветления», было необходимо привести Брежунова к той вере, которая была, по мнению Толстого, главным источником спокойствия Никиты перед лицом смерти. Как свидетельствуют черновые рукописи. Толстой особенно много трудился именно над этими последними главами рассказа. В первоначальном наброске, написанном в духе «народных рассказов», «просветление» Брежунова было показано как некое умиленное чудо³⁸.

По мере работы над рассказом все резче очерчивался социальный контраст хозяина и работника, слишком очевидным становилось противоречие «трезвого реализма» первой части рассказа и надуманности, необщительной декларативности второй. Художник Толстой не мог не почувствовать этого противоречия. Стремясь его смягчить, он в одном из последующих вариантов мотивирует «просветление» Брежунова уже не мгновенным божественным озарением, а гуманным побуждением – желанием спасти замерзающего Никиту. Но добрые чувства были настолько чужды всему облику Брежунова, что и в такой трактовке финал рассказа продолжал звучать необщительно.

В окончательной редакции Толстой приближается к реалистическому толкованию этого эпизода. Брежунов спасает Никиту, движимый в большой мере эгоистическим чувством самосохранения. Но в описании последних минут жизни Брежунова писатель попрежнему сохраняет торжественно мистический элемент (фантастический сон, божественный голос), нарушающий реалистическую ткань повествования. В угоду своей идеалистической и реакционной идее о том, что человек, познавший бога и христианскую любовь, способен преодолеть свою социальную природу и стать для бедняка «братом во Христе», писатель рисует смерть Брежунова как акт нравственного перерождения.

Брежунов, как и все «прозревшие» герои Толстого, умирает, не переступив порога новой жизни. Изображение дальнейшей жизни этих людей не могло не обнаружить мнимости их перерождения, показало бы победу собственнических отношений над иллюзорной верой писателя, вскрыло всю наивность и неосновательность его социально-философской концепции³⁹.

В рассказе «Хозяин и работник» отчетливо проявляются характерные черты художественной манеры позднего Толстого.

Обыкновенного, заурядного человека писатель исключает из обыденно-прозаической действительности и ставит его в такое положение, которое дает ему возможность увидеть себя и свою жизнь в новом свете. (Неожиданная мучительная и смертельная болезнь чиновника Ивана Ильича, убийство добропорядочным дворянином Позднышевым своей жены, смерть в лесу замерзающего купца Брежунова.) Такая нарочитая драматизация ситуации позволяет Толстому с особой силой и глубиной сорвать «все и всяческие маски» с традиционных, установившихся общественных и личных отношений.

В то же время «исключительное положение» героя нужно Толстому для утверждения, что спасение от противоречий реальной жизни, от социального зла – в нравственном просветлении.

Одна из особенностей таланта Толстого – способность к тонкому психологическому анализу, умение раскрыть «диалектику души». Однако психологический анализ в поздних произведениях Толстого отличается большим своеобразием.

Психический процесс интересует теперь писателя лишь в том случае, если он является следствием душевной неудовлетворенности, борьбы, сомнений, ведущих к коренному перелому взглядов, представлений, поведения героя. Катастрофа, драматическое событие, благодаря которым начинается нравственное просветление героя, становится необходимым, центральным элементом сюжета. Именно поэтому в «Хозяине и работнике» психологический анализ сосредоточен на самом главном, с точки зрения автора, «переломном» эпизоде – последних мгновениях жизни Брежунова.

Повторение характерной детали, свойственное художественной манере Толстого, широко используется в «Хозяине и работнике» как средство типизации характера, выразительности портрета, речи персонажа, психического состояния, явления природы и т. д.

Описание метели, например, достигает необычайно сильного эмоционального впечатления благодаря повторяющемуся упоминанию об отчаянно треплющемся на ветру замерзшем белье, страшно гудевших лозинах, одиноком чернобыльнике.

Постоянно упоминаются в рассказе выпуклые, ястребиные глаза Брехунова, легкая, бодрая походка «гусем ступающих ног» Никиты; в речи Брехунова повторяются слова: «мы по чести», в речи Никиты – «душа милая», являясь примером поразительного умения Толстого удачно найденной деталью раскрывать существенные черты человеческой индивидуальности.

Среди других художественных произведений, вошедших в настоящий том, наибольший интерес представляет незаконченная повесть «Мать» (1891). Замысел ее связан с обострившимся в конце 80-х годов интересом Толстого к проблеме семьи и воспитания детей, которая была поставлена им как часть большого, общего вопроса – о порочности социальных и этических основ буржуазно-дворянского общества. В произведениях на эту тему, прежде всего в «Крейцеровой сонате» (1887–1889), писатель беспощадно обличал паразитическую и аморальную жизнь господствующих классов.

«Мать» – далеко не завершенное произведение, но и в известных нам отрывках начала повести отчетливо видно стремление Толстого показать, что среди привилегированных классов, где отношения между людьми проникнуты лицемерием и обманом, а дети воспитываются в условиях роскоши и праздности, не может быть хорошей семьи, «нет... честного брака». Мужу героини повести Толстой намерен был противопоставить самоотверженного труженика – учителя Петра Никифоровича. Петр Никифорович и был единственным человеком, имевшим благотворное влияние на детей.

Мысль о том, что «нельзя быть добрым человеку, неправильно живущему»⁴¹, то есть живущему в праздности, чужим трудом, – определяет идейное содержание повести «Мать», как и большинства произведений Толстого 80–90-х годов. Однако разрешение этого глубокого социального вопроса Толстой видит лишь в следовании отвлеченным «истинам» морали и религии. Именно поэтому в образе Петра Никифоровича, воплощающем его положительный идеал, писатель подчеркивает и поэтизирует прежде всего высокие «христианские» качества: суровый аскетизм, пренебрежение материальными благами, полное самоотречение.

III

Для характеристики эстетических взглядов Толстого в рассматриваемый период большой интерес представляет «Предисловие к «Крестьянским рассказам» С. Т. Семенова». Как и в других статьях 80–90-х годов об искусстве, Толстой утверждает в этом предисловии, что искусство должно быть поставлено на службу интересам народа, быть доступным широким народным массам. В период, когда писалось предисловие к рассказам Семенова, Толстой все больше и больше убеждается в том, что подлинная цель искусства – изображать жизнь трудящегося народа, что единственный читатель, для которого можно трудиться с увлечением и с пользой, – это читатель из народа. «Не могу писать с увлечением для господ, их ничем не проберешь: у них и философия, и богословие, и эстетика, которыми они, как латами, защищены от всякой истины, требующей следования ей, – пишет он в 1895 году дочери Марии Львовне. – А если подумаю, что пишу для Афанасьев и... для Данил и Игнатов и их детей, то делается бодрость и хочется писать»⁴².

С особенным вниманием и любовью относится в это время Толстой к сочинениям писателей из крестьян – С. Т. Семенова, Ф. А. Желтова, Ф. Ф. Тищенко и др. Он заботится об издании их произведений в «Посреднике», в различных журналах и сборниках, дает им советы и указания. Под непосредственным влиянием Толстого создавались реалистические произведения этих писателей, проникнутые любовью к народу и основанные на знании жизни народа. С другой стороны, не без влияния и поддержки Толстого утверждались в их творчестве и религиозно-моралистические тенденции, обусловленные принципом «описывать не правду того, что есть, а правду царствия божия...»⁴³

С. Т. Семенов познакомился с Толстым в 1886 году, когда принес ему «на суд»

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru первое свое произведение – рассказ «Два брата». Толстой одобрил рассказ, и вскоре он был напечатан в издательстве «Посредник». С тех пор Семенов часто бывал у Толстого в Москве и в Ясной Поляне, вел с ним переписку. Толстой принимал живейшее участие в литературной работе Семенова, высоко ценил его литературное дарование, знание и правдивое изображение им крестьянской жизни.

В 1894 году к первому сборнику рассказов Семенова Толстой написал предисловие. Давая оценку «Крестьянским рассказам», Толстой отмечает, что их содержание «всегда значительно... оно касается самого значительного сословия России – крестьянства». Большим достоинством произведений Семенова он считает правдивость, искренность, простоту художественной формы, народность языка, яркость речевых характеристик персонажей. Все это и определяет, по мнению Толстого, силу воздействия этих рассказов на читателя.

С другой стороны, всецело в духе своего религиозно-нравственного учения, Толстой утверждает, что главное в художественном произведении и, в частности, в рассказах Семенова – оценка автором поведения героев с точки зрения «идеала христианской истины». Справедливо требуя от художника не только изображать, но и оценивать людей, их поступки, Толстой считает отвлеченную «христианскую истину» основным критерием этой оценки.

Предисловие к «Крестьянским рассказам» было написано в пору напряженного интереса Толстого к эстетическим вопросам. Как и в ряде статей 1889–1891 годов и в «Предисловии к сочинениям Гюи де Мопассана»⁴⁴, Толстой в предисловии к рассказам Семенова утверждает те принципы искусства, которые были обоснованы им позднее в трактате «Что такое искусство?». Беспощадное отрицание лжеискусства, являющегося праздной забавой эксплуататорских классов, оправдывающего их привилегированное положение, и утверждение искусства, которое ставило бы своей целью служить интересам народа, составляют содержание этих статей. Чаяния многомиллионных масс русского крестьянства, обреченных в условиях полицейски-самодержавного строя царской России на беспросветную тьму и невежество, отразились в этой мечте Толстого о народном искусстве.

IV

По мере приближения революции 1905 года, обострения в России социальных противоречий у Толстого все чаще возникали сомнения относительно возможности переустройства жизни на основе непротivления и нравственного совершенствования, и он приходил к справедливому выводу, что «господ... ничем не проберешь». Несмотря на это, он настойчиво, до последних дней своей жизни, проповедовал свои «рецепты спасения человечества». В наибольшей мере слабые стороны взглядов Толстого проявились в таких статьях, помещенных в настоящем томе, как «Первая ступень», «Неделание», «Предисловие к дневнику Амиеля».

Содержащаяся в «Первой ступени» критика господ, у которых весь интерес жизни состоит в «жранье», критика, напоминающая обличительные страницы «Плодов просвещения», является в статье второстепенным моментом по сравнению с проповедью вегетарианства – «первой ступени», по мнению Толстого, на пути к «истинному христианству».

Статья «Неделание» (1893) посвящена разбору речи Э. Золя «Юношеству» и письма А. Дюма-сына редактору французской газеты «Голуа». Речь Золя была направлена против распространившегося в конце прошлого века среди буржуазно-дворянской интеллигенции увлечения мистицизмом и фидеизмом. Предостерегая молодежь от этого увлечения, Золя призывал их верить в науку и труд, которые дают, по словам Золя, смысл жизни и служат залогом ее неуклонного совершенствования. Идеалист Дюма, отвечая на статью Золя, напротив, все свои упования возлагал на «христианскую веру», которая якобы объединит всех людей в стремлении к братской любви, избавит их от существующего зла и несправедливости.

Известно, какое конкретно-историческое содержание заключено в призыве Золя верить в науку и труд. Трезвый наблюдатель капиталистического общества, писатель-реалист, беспощадно разоблачавший пороки этого общества, Золя вместе с тем сам не был свободен от буржуазных предрассудков. Его представления о борьбе за справедливый социальный строй сводились, в конечном счете, к программе буржуазного реформизма.

Оценивая все события современной ему жизни с точки зрения интересов многомиллионного патриархального крестьянства, Толстой зорко подметил уязвимые

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru места речи Золя. Он справедливо протестует против отвлеченной постановки вопроса о науке и труде, так как знает, что в буржуазном обществе труд служит, главным образом, обогащению эксплуататоров за счет эксплуатируемых, а буржуазная наука – оправданию существующего строя. «Пусть каждый усердно работает. Но что? – спрашивает Толстой. – Биржевой игрок, банкир возвращается с биржи, где он усердно работал; фабрикант – из своего заведения, где тысячи людей губят свои жизни над работой зеркал, табаку, водки. Все эти люди работают, но неужели можно поощрять их работу?»

Однако то, что противопоставляет Толстой призывам Золя, свидетельствует о его собственном бессилии указать подлинные пути изменения жизни. Соглашаясь с А. Дюма, Толстой надеется, что достаточно людям постигнуть евангельскую «истину» о «неделании» (не делай того другим, чего не хочешь, чтобы сделали тебе), как мир преобразуется сам собой. Мечтая о «коллективистическом складе жизни», Толстой высказывает утопическую и реакционную идею, что имущие слои общества способны осознать свой «грех», раскаяться и признать «обязательным для себя или религиозный христианский закон любви, или на том же христианстве основанный светский закон уважения к чужой жизни, личности и правам человека». Так статья «Неделание» еще раз доказывает, что Толстой не сумел найти подлинный выход из противоречий современной ему действительности. Его «рецепты спасения человечества» не могут быть оценены иначе, как заблуждения, отражающие «незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости»⁴⁵ патриархального крестьянства в период подготовки и проведения первой революции в России.

–

В идейном содержании помещенных в настоящем томе произведений Толстого со всей отчетливостью проявились острые противоречия социальных, этических и эстетических взглядов писателя. Обличение господствующих классов сочетается в них с проповедью классового мира на основе непротivления бедных и добровольного отказа собственников от своих привилегий; разоблачение подлой морали грабителей народа – с утверждением нравственного самосовершенствования как единственного средства, способного победить зло социальной действительности; «самый трезвый реализм, срыванье всех и всяческих масок» – с изображением нереальных ситуаций, призванных доказать спасительность и всеисие «христианской любви».

Но при всех свойственных ему «кричащих противоречиях» Толстой выступает в 90-е годы как непреклонный и смелый обличитель помещичье-капиталистического строя, защитник интересов трудящихся масс. «Безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая постановка Толстым самых больных, самых проклятых вопросов»⁴⁶ своего времени свидетельствует о его страстном интересе к народной жизни, о его высоком понимании писательского долга.

Л. Опульская

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОМУ ТОМУ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ. Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с сохранением особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется.

Пунктуация автора воспроизводится в точности, за исключением тех случаев, когда она противоречит общепринятым нормам.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание текста.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в прочтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, что всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в прочтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Многоточия воспроизводятся так, как они даны автором.

Абзацы редактора даются с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означает, что текст печатается впервые; ** – что текст напечатан был впервые после смерти Толстого.

Иллюстрации

Автотипия: Л. Н. Толстой составляет списки нуждающихся крестьян. 1892 г.
Фотография. Между IV и V стр.

1

То, что нынешний год лебеду везде употребляют в пищу, можно объяснить только преданием, тем, что ее едали прежде, – и пословица есть о том, что «не беда, что во ржи лебеда», – и тем, что она родилась на ржаном поле и вымолочена вместе с рожью. Мне кажется, что если бы не было предания и не была бы она в ржаном поле, то скорее бы мешали в хлеб солому овсяную, опилки, чем это вредное вещество. А его мешают везде.

2

Переправлено из: не обеспечив прежде людей от голодной смерти.

3

Т. 66, стр. 76.

4

Т. 84, стр. 94.

5

Т. 66, стр. 80.

6

См. письма к С. А. Толстой и В. Г. Черткову от 9 ноября (т. 84, стр. 96, и т. 87, стр. 108) и дневниковую запись от 17 ноября 1891 г. (т. 52,

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru стр. 58).

7

Т. 84, стр. 99.

8

Письмо не опубликовано, хранится в отделе рукописей ГМТ.

9

Т. 84, стр. 99.

10

Там же, стр. 100.

11

Там же, стр. 102.

12

Т. 87, стр. 112–113.

13

Т. 84, стр. 106.

14

Т. 66, стр. 125.

15

См. т. 66, стр. 232.

16

В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 66–67.

17

Т. 66, стр. 224.

18

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 293–294.

19

Т. 52, стр. 43.

20

Письмо к Н. С. Лескову от 4 июля 1891 г. – т. 66, стр. 12.

21

Т. 66, стр. 81.

22

Газета «Московские ведомости», перепечатав в 1892 году отрывок из этой статьи в переводе с английской публикации, назвала ее «Письма о голоде», очевидно приняв статью за цикл писем, посланных Толстым в иностранные газеты. Под этим произвольным названием статья перепечатывалась в последующих изданиях. В

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
настоящем томе восстанавливается подлинное название статьи.

23

Статья «Голод или не голод?» была написана в 1898 году, когда в России снова разразился голод и Толстой, как и в 1891–1893 годах, принимал участие в помощи голодающим. Она чрезвычайно тесно связана тематически со статьями о голоде 1891–1893 годов, поэтому помещается в настоящем томе.

24

В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 183.

25

В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 67.

26

Несомненно, что в непосредственной связи с мыслями и переживаниями Толстого во время голода находится тот факт, что он принял в 1894 году, после длительного перерыва, за обработку легенды о Петре Хлебнике.

27

В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 231.

28

В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 216–217.

29

В. Н. Ламздорф, Дневник, изд. «Academia», М. – Л. 1934, стр. 261.

30

Н. Н. Гусев, Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, М. – Л. 1936, стр. 465.

31

Т. 84, стр. 128.

32

С. А. Толстая, Письма к Л. Н. Толстому, М. – Л. 1936, стр. 468.

33

Т. 84, стр. 104.

34

Т. 53, стр. 69.

35

См. в наст. томе историю писания и печатания «Хозяина и работника».

36

Т. 53, стр. 317.

37

В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 180.

О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
38
См. наст. том, стр. 304.

39

Ярким доказательством этого служит творческая история романа «Воскресение». В конце романа Толстой приводит Нехлюдова, как и Брехунова, к нравственному «воскресению» и заявляет, что с этого момента началась у Нехлюдова иная, новая жизнь. Однако позднее, когда Толстой задумал продолжение «Воскресения» – о «крестьянской жизни» Нехлюдова, он так наметил в Дневнике 1904 года план этой своей работы: «...Захотелось написать 2-ю часть Нехлюдова. Его работа, усталость, просыпающееся барство, соблазн женский, падение, ошибка, и всё на фоне робинзоновской общины» (т. 55, стр. 66).

40

Из письма Л. Н. Толстого В. Г. Черткову от 24 апреля 1890 г. – т. 87, стр. 24.

41

Т. 51, стр. 57.

42

Т. 68.

43

Л. Н. Толстой, «Предисловие к сборнику «Цветник» – т. 26, стр. 308.

44

См. т. 30.

45

В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 185.

46 Там же, т. 16, стр. 296.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!